

П. Р. Заборов

М. П. АЛЕКСЕЕВ и ФРАНЦУЗСКИЕ ТУРГЕНЕВЕДЫ

Среди наших выдающихся ученых-филологов прошлого века лишь очень немногие пользовались такой известностью и авторитетом за пределами СССР, как академик Михаил Павлович Алексеев (1896–1981). Широчайший диапазон научных интересов, огромная эрудиция, высокая общая культура и готовность прийти на помощь любому, кто того достоин, сделали его одной из самых притягательных фигур для зарубежных историков литературы, прежде всего, конечно, историков русской литературы и ее международных связей, а его кабинет в Пушкинском Доме — местом паломничества, которое иногда и совершалось только для того, чтобы получить его поддержку или совет. Одновременно на имя Михаила Павловича из разных стран — от США до Японии, от Англии до Австралии — приходило огромное множество писем, составляющих ныне значительную часть его личного фонда (№ 815) в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Эпистолярные и личные контакты Михаила Павловича с французскими коллегами приобрели особую интенсивность в 1960-е годы, когда по его инициативе было предпринято и под его редакцией начало выходить Полное собрание сочинений и писем И. С. Тургенева в 28 томах. Понимая, что выполнить эту задачу на должном уровне без французских архивов невозможно, он стал настойчиво добиваться командировки во Францию. Хлопоты эти оказались весьма успешными: Михаил Павлович провел во Франции два летних месяца 1961 года и позднее подробно и увлекательно рассказал об этом в большой статье, опубликованной на страницах журнала «Русская литература» и перепечатанной в одном из выпусков его «Избранных трудов».¹ Напомним

¹ Алексеев М. П. По следам рукописей И. С. Тургенева во Франции // *РЛ*. 1963. № 2. С. 53–85; То же: Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 308–348.

лишь ряд освещенных в ней фактов, которые непосредственно относятся к нашей теме.

Как явствует из этой статьи, на первых порах, да и в дальнейшем Михаила Павловича более других опекал и направлял в его поисках Андре Мазон (Mazon; 1881—1967). Профессор Коллеж де Франс, член Французского Института и иностранный член АН СССР, один из основателей парижского Института славистики и редактор «Revue des études slaves», он являлся в то время самым компетентным исследователем творчества Тургенева и знатоком его рукописного наследия, находящегося во Франции — в различных архивохранилищах и, что было особенно важно, у наследников Полины Виардо. В частности, благодаря его посредничеству состоялся визит Михаила Павловича к внучке великой певицы, дочери Марианны Виардо-Дювернуа, мадам Анри Болье, которая показала ему различные семейные реликвии, но, к его большому огорчению, не откликнулась на просьбу предоставить хранившиеся у нее письма Тургенева к ее матери и бабушке для готовящегося издания, поскольку «они не заключают в себе ничего такого, что представляло бы общественный интерес». Мазон способствовал также работе Михаила Павловича в Национальной библиотеке Франции и получению им «довольно большого количества превосходно исполненных фотоснимков с рукописей Тургенева».

В дальнейшем Мазон продолжал активно действовать в этом направлении, о чем свидетельствуют его письма к Михаилу Павловичу от 25 мая и 14 ноября 1963 года, в которых шла речь о микрофильмах тургеневских рукописей (сочинений и писем) из собрания Национальной библиотеки, обещанных Пушкинскому Дому в обмен на французские рукописи из собрания нашей Публичной библиотеки. «Мой дорогой брат и друг, — писал он в первом из этих писем, — с Национальной библиотекой дело совершенно улажено, и я не сомневаюсь, что вы, со своей стороны, немало способствовали этому успеху! Задержка, возможно, будет нам даже полезна, поскольку библиотека окончательно решила не делить микрофильмы, о которых просит Пушкинский Дом, на две части, в зависимости от того, как срочно они нужны, и изготовить их и выслать все одновременно. Полагаю, что все будет в вашем распоряжении (ибо мне это было обещано) до конца августа».²

Во втором письме Мазон выражал свою радость в связи с тем, что микрофильмы, о которых шла речь ранее, наконец получены в Пушкинском Доме, а долгожданные микрофильмы французских рукописей будут в ближайшее время отправлены в Париж. В то же время он просил Михаила Павловича выслать ему отсутствующие в его личной библиотеке тома Полного собрания сочинений и писем Тургенева и благодарил за отклик упомянутой статьи, скромно заметив как бы в ответ:

² Здесь и далее шифры цитируемых писем не указываются, так как фонд этот, к сожалению, еще не обработан.

«Мы сделали, что смогли, но будем надеяться, что когда-нибудь ваши разыскания во Франции вам удастся продолжить».

С А. Мазоном Михаил Павлович встречался, по крайней мере, еще раз, осенью 1964 года в Ленинграде, где, между прочим, состоялась беседа французского ученого с сотрудниками Тургеневской группы, беседа, в которой Михаил Павлович активно участвовал. Мазон отвечал на вопросы присутствующих и вспоминал о посещении им внушки писателя Жанны Брюэр-Тургеневой, хранившей память о своем великом дде и не расстававшейся с семейными реликвиями, несмотря на крайнюю бедность.

В Париже Михаил Павлович посетил видного знатока жизни и творчества Проспера Мериме — доктора Мориса Партюрье (Parturier; 1888–1970-е гг.). Практикующий врач-кардиолог, он предпринял в конце 1930-х годов издание «Correspondance générale» Мериме и почти без посторонней помощи довел его к 1964 году до конца. Одним из важных результатов огромной собирательской работы, которую Партюрье осуществил при подготовке этого издания, было выявление им обширного комплекса писем Мериме к Тургеневу, которые Партюрье обильно процитировал в книге «Une amitié littéraire. Prosper Mérimée et Ivan Tourguénev» (1952), явившейся ценным подспорьем для тургеноведов, тем более что письма Тургенева к Мериме были утрачены безвозвратно: они сгорели в 1871 году вместе со всем архивом французского писателя.

В свою книгу Партюрье включил также (как правило, в отрывках) некоторые письма Тургенева к общим знакомым обоих писателей, в частности, к Валентине Делессер, многолетней возлюбленной Мериме, причем письма Тургенева к этой влиятельной светской даме, сыгравшей большую роль в замужестве его дочери, находились в коллекции самого Партюрье. Узнав об этом, Михаил Павлович немедленно обратился к нему с просьбой предоставить имеющиеся у него материалы для публикации в Полном собрании сочинений и писем. Тот в принципе согласился, но окончательно вопрос этот был урегулирован лишь два года спустя при содействии культурного атташе посольства Франции Жильбера Дагрона (Dağron), ныне известного византиниста, профессора Коллеж де Франс и члена Французского Института.³

В Париже Михаил Павлович общался и с другим известным французским тургеноведом — профессором Сорбонны Анри Гранжаром (Granjard; 1900–1979). Знакомство их произошло в 1958 году в Москве,

³ Благодаря М. Партюрье Редакционной коллегии Полного собрания сочинений и писем Тургенева удалось вступить в контакт с Катрин Боннье де ла Шапель (Bonnier de la Chapelle). Внушка видного издателя, литератора и политического деятеля Жюля Этцеля (Hetzel; 1814–1886) и владелица семейного архива, она выпустила в 1952 г., в соавторстве с Антуаном Пармени, обширный труд, в котором широко цитировались письма к Этцелю Тургенева. После длительных переговоров микрофильм всех находившихся у нее писем Тургенева к Этцелю был получен в обмен на микрофильм писем Этцеля к Марку-Вовчок, которые хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

на IV Международном съезде славистов, а в 1960 году Гранжар побывал в Ленинграде и 16 сентября на заседании Сектора взаимосвязей русской и зарубежных литератур Пушкинского Дома прочел доклад «Тургенев и Франция». В 1961 же году Гранжар помог Михаилу Павловичу прояснить ситуацию с архивом Ксавье Мармье, где он рассчитывал найти письма Тургенева, которых там, впрочем, не оказалось.

Переписка Михаила Павловича с Гранжаром продолжалась с 1963 по 1978 год и, естественно, касалась по преимуществу Тургенева.

В письме от 24 ноября 1963 года французский ученый, поблагодарив (как чуть ранее это сделал Мазон) Михаила Павловича за отклик статьи «По следам рукописей И. С. Тургенева во Франции», заметил: «Ваше пребывание было очень коротким, но принесло очень богатый урожай». Там же он сообщил, что занят изучением тургеневских рукописей, но ввиду большой занятости не знает, когда сможет какие-нибудь из этих материалов опубликовать. В дальнейшем, по мере того как эта работа продвигалась, он упоминал о ней неоднократно, стараясь по возможности держать Михаила Павловича в курсе дела.

В канун нового, 1969-го, года Гранжар поздравил Михаила Павловича не только с этим событием, но и с окончанием издания Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева. В письме от 21 марта 1970 года он извещал Михаила Павловича о том, что переправил в Пушкинский Дом с оказией микрофильм новонайденных писем Тургенева к Полине и Луи Виардо, Жоржу Шамро и М. Н. Зубовой, а также подборки писем Полины Виардо к Тургеневу. В качестве ответного шага он просил содействовать получению микрофильма писем Иннокентия Анненского из Отдела рукописей Публичной библиотеки для его ученицы мадам Гупи, заметив при этом, что «расценил бы отправку этого микрофильма как свидетельство стремления облегчить культурные связи между нашими странами». В том же письме он предлагал совместными усилиями французских, английских и советских специалистов составить летопись жизни и творчества Полины Виардо. В следующем письме от 21 декабря 1970 года он говорил о своей ученице Флоранс Монрено-Бранш (Montreupaud-Branche), обнаружившей ряд неизвестных ранее писем Тургенева и писем к нему. «Она умеет работать и обладает подлинной культурой, французской, русской и немецкой. Вот моя наследница! — восклицал он. — Во всяком случае, я так думаю и надеюсь».⁴

Еще один тургеневский сюжет возник в письме Гранжара от 23 января 1971 года. Это была судьба дома писателя в Буживале. Об этом у нас знали тогда немного: вилла Виардо и домик («шалле») Тургенева являлись частной собственностью, и не случайно Михаил Павлович считал целесообразным поместить в выпущенном под его редакцией

⁴ В дальнейшем Флоранс Монрено посвятила себя составлению различных словарей и публицистической деятельности феминистского направления. О ней см., например: Liberation. 2000. 11 avril. P. 21.

к «двойному юбилею» писателя сборнике очерк Гранжара «Паломничество в Буживаль». Завершался он следующими грустными словами: «Сейчас, через семьдесят пять лет после смерти Тургенева, домик уже не в состоянии сопротивляться наступлению природы. Бревна, балки, доски почернели и покрыты мхом. Грунтовые воды размывают его основание. Некоторые балки покривились, местами уже отсутствует каменная обшивка фундамента. Домику угрожает разрушение».⁵

К началу 1971 года положение резко ухудшилось: теперь дом был почти на грани исчезновения, и Гранжар уже не мог оставаться в стороне, в особенности после того как сведения об этом попали в советскую печать и к нему обратилась с просьбой вмешаться в преодоление этого «кризиса» Л. Н. Назарова, руководившая Тургеневской группой Пушкинского Дома. Ответом на этот крик о помощи и явилось упомянутое выше письмо, адресованное Михаилу Павловичу:

«Я получил письмо SOS относительно дома Тургенева от г-жи Назаровой, — сообщил Гранжар, — и пишу прямо вам.

По этому поводу я еще 9 января послал статью в „Le Monde”, который опубликовал ее лишь 10 дней спустя, и прилагаю ее к этому письму.⁶ Вот как обстоят дела в настоящее время: г-н Сабатье уже продал нижнюю часть парка, где оборудована автозаправочная станция и где будет построен доходный дом. Остальная часть имения, где строить большие здания нельзя, после наложения запрета подлежит продаже, чего пока еще не произошло. Муниципалитет Буживаля известил об этом советское посольство, которое добилось через наше Министерство культуры отсрочки аукциона до 15 февраля. Я дал знать об этом президенту общества „Франция—СССР”, которому послал вчера подробную записку с изложением всех этих обстоятельств. Он выразил готовность обратиться за финансовой помощью к частным лицам. Утром мэр Буживаля известил меня, что кредитор г-на Сабатье уступил свои права Национальной федерации ассоциаций управленческих кадров, что предполагает последующую продажу. Стартовая цена на аукционе — 200 000 франков. В мэрии Буживаля мне сообщили, что покупатель будет обязан не трогать виллу и так называемую дачу Тургенева. Для реставрации этой последней понадобилось бы от 10 000 до 15 000 франков, сумма, которую могло бы собрать общество „Франция—СССР”. Было бы хорошо, если бы советские культурные объединения и учреждения (Союз писателей, московский и ленинградский институты литературы и даже Академия наук) направили свои обращения непосредственно президенту общества „Франция—СССР” г-ну Блюмелю, по адресу: улица де Ла Врильер, 2, Париж, 2-ой округ (адрес общества), побуждая его к действию. Надеюсь, что будет сформирован комитет поддержки, куда войду и я. Но дело не терпит отлагательства».

⁵ Гранжар А. Паломничество в Буживаль // И. С. Тургенев (1818–1883–1958). Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Орел, 1960. С. 244.

⁶ Текст этот в архиве не обнаружен.

Помимо Тургенева, в письмах Гранжара шла речь об инициированном им еще в 1963 году избрании Михаила Павловича почетным доктором Сорбонны, которое состоялось в следующем году, а также об организованном им в сентябре 1971 года в Париже заседании Бюро Международного комитета славистов.

Вскоре после этого в переписке Михаила Павловича с Гранжаром наступил длительный перерыв, а последнее из сохранившихся писем этого цикла, датированное 29 сентября 1978 года, было написано по-русски его женой Зинаидой Архиповной, которая сообщала, что они должны присутствовать на торжественном заседании в Сорбонне по случаю 150-летия со дня рождения Л. Н. Толстого. По-видимому, самому Гранжару писать уже было трудно, здоровье его ухудшалось, и не случайно в письме фигурировали такие формулы, как «Старость — не радость» и «*Finita la comedia*». Действительно, жить Гранжару оставалось очень недолго.

Весной 1963 года к Михаилу Павловичу обратился молодой французский испанист Александр Звигильский, работавший тогда над докторской диссертацией на тему «Россия и Испания, политические, культурные и литературные отношения (1891—1861)». Судя по его письму от 2 июля 1963 года из Москвы, встреча их оказалась весьма полезной: в частности, благодаря Михаилу Павловичу он познакомился с А. А. Гозенпудом, З. И. Плавским и Б. Ф. Егоровым, причем с последним у него установились добрые — профессиональные и человеческие — отношения, о чем свидетельствует, например, совместно подготовленное ими издание «Писем об Испании» В. П. Боткина, вышедшее в 1976 году, в серии «Литературные памятники», чему Михаил Павлович, по признанию Звигильского, со своей стороны всемерно содействовал.

Кроме того, следствием общения с Михаилом Павловичем, несомненно, явилась публикация во втором Тургеневском сборнике (1966) заметки Звигильского «Тургенев и Гальдос». Самый же интерес его к Тургеневу возник значительно раньше: во всяком случае, его статья «Тургенев и Испания» увидела свет еще в 1959 году, и можно допустить, что именно с тех пор началось его постепенное погружение в тургеневедение, одним из самых осведомленных и деятельных представителей которого он впоследствии стал и остается поныне.

В 1969 году в пятом Тургеневском сборнике появилась еще одна статья Звигильского — «„Гамлет и Дон-Кихот“». О некоторых возможных источниках речи Тургенева». Наконец, получив от Михаила Павловича роман Джорджа Борроу «Лавенгро» с его вступительной статьей, Звигильский не просто поблагодарил его в письме от 9 декабря 1970 года, но сообщил ему ряд ценных сведений о то и дело всплывавших на поверхность тургеневских автографах, например, о двух письмах к племяннице Гюстава Флобера Каролине де Комманвиль, причем предлагал послать ему «фотокопии этих рукописей», которые ему «удалось получить до того, как они были бы проданы».

Одновременно все большую актуальность получало привлечение Звигильского к изданию новых текстов Тургенева у нас. Такое предложение Михаил Павлович сделал ему при их личной встрече в сентябре 1971 года в Париже, где он находился по делам Международного комитета славистов, а 30 сентября 1971 года Звигильский подтвердил свое согласие. «Разумеется, — писал он, — я буду очень рад подготовить к печати тексты и составить к ним примечания для советского издания, если получу для этого официальное приглашение. Мы с Вами об этом уже говорили в сентябре, так что полагаю, что это возможно».

Вскоре после этого вышел подготовленный Звигильским первый том двухтомной «Nouvelle correspondance inédite», и он послал его Михаилу Павловичу. Наконец, 13 июня 1972 года он отправил Михаилу Павловичу для публикации свои статьи «Du nouveau sur Tourguéniev» и «Maupassant et Tourguéniev», но ни та, ни другая на русском языке не появились, да и переписка между ними оборвалась на целых восемь лет.

Первым нарушил молчание Михаил Павлович. Произошло это 9 сентября 1980 года. Звигильский с готовностью откликнулся на это письмо и 31 декабря 1980 года не без удовлетворения сообщил, что в 1977 году им была создана Ассоциация друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран с целью спасти дом Тургенева в Буживале и устроить там музей, рассказал о деятельности ассоциации и о реставрации дома, а также пригласил Михаила Павловича принять участие в Международном конгрессе «Иван Тургенев и Франция», что позволит ему и его жене Нине Владимировне «увидеть вновь старый русский дом, покрытый свежей краской».

Этого, однако, не случилось. Встреча их состоялась летом следующего года в Ленинграде, в Пушкинском Доме, и прошла она вполне успешно, так что можно было надеяться на продолжение контактов между ними. Но встреча эта, увы, оказалась последней: вскоре Михаила Павловича Алексеева не стало.

На это печальное известие Звигильский откликнулся в основанных и редактируемых им «Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran». «Смерть этого ученого, — писал он, — была с большим сожалением воспринята в литературных кругах Советского Союза и всего мира. Михаил Павлович Алексеев родился 5 июня 1896 года в Киеве, обучался в частной гимназии и одновременно в Киевской музыкально-драматической школе. Сделав свой выбор между литературой и музыкой, он поступает в 1914 году на Историко-филологический факультет Киевского университета, который оканчивает в 1918 году. Его первые публикации относятся к 1915 году. Он достиг блестящих результатов во многих областях: русская литература, иностранные литературы, сравнительное изучение литератур, и в этой последней области стал движущей силой и лидером у себя в стране. С 1933 года его деятельность связана с Ленинградским университетом и Институтом русской литературы (Пушкинский Дом).

В 1958 году он был избран действительным членом Академии наук СССР. Там он возглавляет пушкиноведение, и под его редакцией осуществляется замечательное академическое Полное собрание сочинений и писем Тургенева в 28 томах (1960–1968). Он являлся одним из лучших в мире знатоков этого писателя.

Михаил Алексеев известен как исследователь английской, испанской, французской, итальянской, немецкой и американской литератур. Особенно ценны два его труда о русско-испанских и русско-английских литературных отношениях. Ему принадлежат также работы о музыке и живописи.

В мае 1981 года академик Алексеев принял предложение нашего Административного совета войти в состав его Почетного комитета. Он должен был сыграть существенную роль в ознакомлении в его стране с деятельностью нашей Ассоциации. Он должен был способствовать осознанию важности, в культурном плане, будущего Музея Тургенева и Международного центра изучения культур и литератур XIX века в Буживале.

За два с половиной месяца до своей кончины Михаил Павлович принял нас, г-на Мену⁷ и меня, в Пушкинском Доме и несколько дней спустя, 7 августа 1981 года, пригласил нас с женой на ужин к себе домой, на Васильевский остров. Мы были знакомы уже давно, с весны 1963 года, когда я собирал в Москве и Ленинграде материал для своей докторской диссертации. Мы виделись с ним еще не раз; в 1969 году мы вместе с ним побывали в Буживале. Мы состояли в переписке, Михаил Павлович следил за моей работой. Со своей стороны, я опубликовал в 1965 году в „Revue de littérature comparée” рецензию на его „Очерки истории испано-русских литературных отношений”.⁸

Эта последняя встреча с Михаилом Павловичем произвела на меня сильнейшее впечатление. В беседе с ним проявлялись равно обаяние его ума и блеск его поразительной эрудиции, которая непрерывно обогащалась в его увлекательных поисках нового.

В тот вечер Михаил Павлович вручил мне для будущего Музея Тургенева фотографию с дарственной надписью Анне Петровой, жене знаменитого певца,⁹ и комплект из двух пластинок, на которых была запечатлена история любви писателя к Полине Виардо.

Смерть настигла ученого за работой, 19 сентября 1981 года». ¹⁰

---

⁷ Жан-Клод Мену (Menu) возглавлял Региональный отдел Министерства культуры Франции.

⁸ См.: *Revue de littérature comparée*. 1965. N 3. P. 454–463.

⁹ Имеется в виду Осип Афанасьевич Петров (1807–1878).

¹⁰ *Cahiers*. N 6 (1982). P. 96–97.